

нее время Петр стал объектом хулы и поношения и «слева», и «справа». Одни бранят его за то, что он не поверял свою политику нормами христианской нравственности, другие порицают за национальное отступничество.

Что сказать по этому поводу? Всякий власть имущий, тем более самодержец, независимо от личных своих качеств заведомо виновен, если мерить его поступки Десятословием, не говоря уже о Нагорной проповеди. Это, конечно, прискорбно, но так уж устроено человечество. Нынешние нападки на Петра объясняются, по-видимому, современным общественным умонастроением: сейчас скорбят о побежденных — и судят победителей, среди которых Петру в общен историческом плане бесспорно принадлежит первое место. Ясно, что это инстинктивное умонастроение взбунтовавшегося раба. Он хоть и взбунтовался, а все раб. . . Ясно, что такие устремления имеют мало общего с исторической истиной.

В пору, когда христианство из религии оппозиционной стало религией официальной, монархи понимали, что коллизия власти и нравственности — в природе вещей, что это всегдашнее и неразрешимое противоречие. «Император Константин был крещен на смертном одре в 337 году. Его сыновья также откладывали свое крещение, видимо опасаясь нарушить принимаемые со всей серьезностью заповеди христианства. Трудность совмещения императорской власти, основанной на насилии и военной мощи, с христианской верой осознавалась очень глубоко. . .»³

В удельный период великорусские великие князья особой рефлексии по этому поводу не обнаруживают. Им, правда, случалось «вступаться» в церковные дела. Вспомним, например, как враждебен был к митрополиту Киприану Дмитрию Донской (отчего канонизация последнего совершилась только в год тысячелетия крещения Руси). Но церковные дела — не то, что дела духовные; на них мирская власть все же не посягала. Великий князь в конце концов ощущал себя «рабом Божиим» и как лицо был равен (во Христе) всем своим единоверным подданным.

Положение стало решительно меняться, когда северо-восточная Русь превратилась в Московское государство, а великие князья — в царей (венчанных с 1547 г.). Появилось имперское сознание, породившее исторические и генеалогические выдумки, вроде мифа о том, как Константин Мономах наделил «дарами царскими» своего русского внука («и от того времени князь великий Владимир Всеволодич наречется Манамах, царь великия Русия»),⁴ или о происхождении дома Калиты от Августа. Византийская по происхождению идея, согласно которой Бог — это «царь небес-

---

издающегося в Париже экуменического журнала «Символ» — книжке, посвященной судьбам русского православия.

³ Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. 2-е изд., испр. Нью-Йорк, 1989. С. 143.

⁴ Памятники литературы Древней Руси: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 428.